

ПРОШЛОЕ КАМЧАТКИ В КРУГЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ПУШКИНА

е браните меня,—писал Пушкин А. А. Фукс 19 октября 1834 г.—«Поэзия, кажется, для меня иссякла, я весь в прозе, да еще в какой»... Эти слова имеют в виду появление в свет «Истории Пугачевского бунта», по адресу которой поэт, шутя, говорит тут же своей корреспондентке: «В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на-днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева». К этому же относятся и разные заметки Пушкина, касающиеся истории Петра Великого. Письма его этой поры в большой степени заняты стремлением уйти поглубже в исследуемые исторические события, охватить полнее первоисточники. Книга о Пугачеве уже вышла, а Пушкин просит гр. Бенкендорфа «о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве», и, можно сказать, до самой смерти продолжает заниматься Пугачевым.

Исторический интерес Пушкина как будто вполне определился: в кругу его внимания на одном подюсе—самодержавие, а на другом—активная народная сила, вступающая с самодержавием в конфликт.

Еще раньше, взглядываясь в вождей народных движений далекого и недавнего прошлого России, Пушкин писал брату Льву из Михайловского в 1824 г.: «Вечером слушаю

сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма. Ах, боже мой, чуть не забыл. Вот тебе задача: историческое, сухое известие о Стеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории». Тогда же, набрасывая «Воображаемый разговор с Александром I», Пушкин заставляет царя в конце беседы рассердиться и сослать поэта в Сибирь, где бы «он написал поэму Ермак или Кочум»... Очевидно, фигура Ермака, овеванная удалью и героизмом, вставала из сибирских глубин для поэта, как родственная Разину.

Пугачев, Разин, Ермак—вот сильные личности, герои, вышедшие не из среды дворянства, а из удалой вольницы, которую обнимало одно общее имя—казачество. Временами своей смелостью оно потрясало трон царей (Разин, Пугачев), а временами своей удалью оказывало самодержавию услуги (Ермак). Однако, и в том и в другом случае казачество искало свободы для широкого применения своих необузданных сил. Вождям, выходявшим из этой среды и действовавшим в ее интересах, нельзя отказать в цельности характера, в силе и героизме, которые покоряли себе массу и вели ее за собою. От этих качеств так далеки черты выхоленных Онегиных, пораженных недугом пассивности и рефлексии.

Провал декабрьского восстания мог только укреплять убеждение в том, что дворянство неспособно на решительное выступление, на сильные поступки в борьбе за свободу.

Пушкин, выдвигавший свое шестисотлетнее дворянство, когда ему нужно было отстаивать себя против чиновной знати, толпившейся у трона, легко зачислял себя в *tiers état*. В этом отношении очень интересна его запись в дневнике 22 дек. 1834 г.: «Что касается до *tiers état*—что же значит наше старинное дворянство с имениями, уничтоженными бесконечными раздроблениями, с ненавистью против аристократии и со всеми притязаниями на власть и богатство? Этакой страшной стихии мятежей нет и в Европе». О себе Пушкин говорит:

Я Пушкин, просто, не Мусин,
Я сам большой, не царедворец,
Я грамотей, я мещанин,—

и, как известно, часто возвращался к этой теме...

Отсюда нетрудно понять, почему Пушкина, хорошо оценившего опору самодержавия, влекли к себе характеры и типы русской жизни, далекие от чиновной аристократии, выросшей на угодничестве власти, безыдейной и пустой. Он с симпатией останавливался на честных натурах из среды мелкого дворянства (Гринева, молодой Дубровский), как бы ни были противоположны их отношения к существующему порядку, но с такою же любовью находил он цельные, честные натуры и в среде, антагонистической дворянству, где для последнего были только злодеи (Архип-кузнец, Пугачев).

Среда казацкой вольницы, с которой Пушкин хорошо познакомился при изучении пугачевского дела, влекла его к себе, так как здесь он нашел сильные характеры и доминирующую над всем волю к действию.

Но и на этом пути в казачестве, диком и жестоком, бил через край источник могучей энергии.

И вот в руках Пушкина оказывается двухтомная работа Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Мы не имеем данных для суждения о том, при каких обстоятельствах он ее приобрел. Но оставленный поэтом обстоятельный конспект этого труда позволяет сделать заключение, что книги Крашенинникова далеко не случайно остановили на себе его внимание. Любопытно подчеркнуть, что наряду с этой работой в библиотеке Пушкина находились еще сочинения Соснана¹ и Бенювский (Benyowsky),² первая—на английском, а вторая—на французском языке, трактующие о пребывании этих лиц на Камчатке.

Правда, Кочрэн был современником Пушкина и его посещение Камчатки в 1821—22 гг. после длинного пешеходного путешествия, предпринятого им из Петербурга, дает

¹ См. о нем в Dictionary of national biography.

² См. о нем в Сибирской советской энциклопедии.

не тот материал, который мог интересовать поэта: полуостров уже давно находился под твердой губернаторской властью. Сам Кочрэн, давая краткую историческую справку о Камчатке, упоминает о последнем крупном восстании здесь в 1731 г. «С этого времени—продолжает он¹—«полуостров не волновали особенно ни заговоры, ни убийства». Иное дело мемуары Беньовского, сосланного в 1769 г. на Камчатку, как участника в польской конференции. Авантюрист по натуре, он организует здесь заговор, в который вовлекает ссыльных поляков и русских, восстает против коменданта Нилова и, после его убийства, организует на захваченном корабле вместе с участниками восстания побег, увенчавшийся полным успехом. Личность Беньовского по своему характеру отчасти перекликалась с аналогичными главарями из казаков, за деятельностью которых Пушкин внимательно проследил шаг за шагом, конспектируя труд Крашенинникова.

На этом мы и желаем сейчас остановить внимание читателя, чтобы решить вопрос, почему вдруг в поле интересов Пушкина оказалась столь далекая и малоизвестная Камчатка?

Предварительно кратко ознакомимся с трудом Крашенинникова, т. к. только сличение этого труда с конспектом Пушкина, озаглавленным словами «Камчатка» и «Камчатские дела», может пролить свет на интерес к ним поэта.

Крашенинников, лично посетивший Камчатку, озаглавил свою обстоятельную работу так: «Описание земли Камчатки». Ему пришлось пробыть на Камчатке, как участнику экспедиции, организованной Академией Наук, с 1736 по 1741 г. Весь первый том «Описания» заключает в себе материал географический, чрезвычайно обстоятельно поданный. Второй том делится на две части: в первой из них говорится «о Камчатских народах» (стр. 1—188), а во второй—«о по-

¹ Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary London. 1825 T. II. P. 47.

корении Камчатки, о бывших в разные времена бунтах, изменах, и о нынешнем состоянии тамошних российских острогов» (стр. 189—294).

Если теперь мы обратимся к пушкинскому конспекту, то нам сразу же бросится в глаза то обстоятельство, что интерес писателя сосредоточивается преимущественно на самой маленькой последней части работы Крашенинникова. Конспект ее носит название «Камчатские дела».

Пушкин чрезвычайно подробно следит за всеми перипетиями на Камчатке, связанными с завоевательными устремлениями казаков, борьбой и восстаниями против них туземцев.

Возьмем для сравнения один из отрывков.

У Крашенинникова читаем:

«Оный Атласов в 7203 году прислан был из Якутска прикащиком в Андырский острог, и велено ему было, так как прочим прикащикам, ясак собирать с присудных к Андырску коряк и юкагирей, и стараться о приписке вновь людей, и о приведении их под самодержавную государеву руку. В 7204 году послан от него был к апутским корякам Лука Морозко в 16 человеках за ясатным сбором, который по возвращении своем объявил, что он не только был у оных коряк, но и до Камчатки не дожил токмо за 4 дня, и в том походе взял он Камчатский острожек, а на погроме получил неведомо какие письма, которые объявил Атласову».

Пушкин конспектирует:

§ 5. В 7203 (1695) Владимир Атласов прислан был от якутского приказчика (из Якутска) в Анадырский острог собирать ясак с присудных (приписанных) к Анадырску коряк и юкагирей.

§ 6. В следующий 204 (год) Атласов послал к апутским корякам Луку Морозко с шестнадцатью человеками за ясаком. Оный Морозко не дошел до Камчатки токмо 4 днями. Взял он между тем Камчатский острожек и в Погроме получил неведомо какие письма, которые и представил Атласову».

Нам кажется, достаточно привести эти отрывки для сопоставления, чтобы видеть, как близок пушкинский конспект к подлиннику. И так на протяжении всего описания «Камчатских дел».

Интересно вместе с тем одно дополнение к сухому конспектированию вышеприведенного образца. Следя за всеми событиями, связанными с деятельностью приказчика казака Атласова, и проконспектировав обстоятельства, при которых он был лишен жизни, Пушкин, отступая от оригинала, восклицает: «Так погиб Камчатский Ермак». Далее в конспекте подробно отмечаются события, связанные с бунтом камчадалов против приказчиков и казаков в 1731 г., и жестокое его подавление притеснителями. Конспект заканчивается упоминанием о том, что после ликвидации восстания на Камчатку прибыл майор Мерлин, начались суд и расправа, закончившиеся как повешением казаков, виновников грабежей и убийств среди местного населения, так и камчадалов из числа главных заговорщиков. Отмечается и следующее мероприятие, направленное против местных казаков: «камчадалы, бывшие у них в крепостной неволе, отпущены на волю, и впредь запрещено их кабалить».

Конец второго тома, начиная от 5-ой главы (стр. 236—294), занятый вопросами благоустройства (остроги, т. е. укрепленные селения, где жили казаки, пути сообщения, торговля на новых началах), оставлен был Пушкиным без конспектирования.

Итак, если в конспект Пушкина попала Камчатка с ее географическими и этнографическими особенностями, то данные этого рода играли в намерениях Пушкина, несомненно, подчиненную роль делам камчатским. Это следует и из характера конспектирования первого и второго тома, и из количества страниц, уделенных тому и другому материалу.

В самом деле, на весь материал до исторической части во втором томе Пушкиным затрачено, считая страницами (сочинения Пушкина т. VI, ГИХЛ), всего 8 страниц, тогда

как на «Дела камчатские» употреблено было 18 страниц.¹ При этом нужно принять во внимание, что для первой части конспекта перед его автором было 587 страниц, а для второй—всего 47 страниц труда Крашенинникова.

С какою же целью Пушкин так старательно вникал в дела камчатские?

К счастью до нас дошел обрывок его мыслей, который, как нам кажется, может дать определенный ответ на поставленный вопрос.

В собрании сочинений Пушкина ГИХЛ^а приведен небольшой отрывок под заглавием «План и набросок начала статьи о Камчатке». Приводим его полностью: «Сибирь уже была покорена. Приказчики услышали о Камчатке. Описание Камчатки. Жители оной.—Федот кочевщик.—Атласов, завоеватель Камчатки». В своем конспекте Пушкин подробно останавливается на первом из русских, посетивших Камчатку Федоте Алексееве, погибшем во время своих передвижений по Камчатке от рук местного населения. Здесь Пушкин называет его «кочевщиком». Это должно было подчеркнуть, что ему нигде на Камчатке утвердиться не удалось. Рассматриваемый план заканчивается словами «Атласов, завоеватель Камчатки».

Если принять во внимание, что 30-ые годы, особенно со времени написания Пушкиным «истории Пугачева», были временем, когда писатель все глубже и глубже уходил в прозу и искал в прошлом России ответов на волновавшие его вопросы, связанные с поисками сильных и цельных натур, то и камчатские дела должны были оказаться

¹ В собрании сочинений Пушкина ГИХЛ^а после § 61 пушкинского конспекта „Камчатские дела“ поставлены точки, за которыми идет по Пушкину § 71. В примечании дана такая редакторская пометка: „Текст заметок, составивших §§ 62—70, до нас не дошел. У Крашенинникова на стр. 220 второго тома находится и тот материал, который Пушкин помещает в § 61, и тот, который мы находим в § 71“. Таким образом, непонятно примечание редактора, не посчитавшего необходимым заглянуть в труд Крашенинникова. В собрании сочинений Пушкина, издания Брокгауз—Ефрона, исправлена нумерация §§, вероятно, по рассеянности нарушенная Пушкиным.

подходящими к общему плану его работ. В дополнение к уже хорошо знакомым фигурам Ермака, Разина, Пугачева вырисовывалась из прошлого на окраине Азиатской России новая личность все той же казацкой вольницы со всеми типичными для нее чертами: неограниченной энергией, цельностью натуры, смелостью и т. д. На этой личности, можно думать, Пушкин и хотел остановиться. Она должна была стать в центре той статьи, план которой мы привели выше. Недаром в «Камчатских делах» Пушкин, отступая от конспектирования, в момент описания гибели Атласова, как мы уже отмечали, восклицает: «Таж погиб камчатский Ермак».

Следует обратить внимание еще и вот на что.

Помимо приведенного «плана» сохранился еще один отрывок, являющийся как бы началом статьи по этому плану. В этом отрывке автор явно симпатизирует смельчакам, добравшимся в конце концов до крайних пределов Сибири.

«Завоевание Сибири,—читаем в этом отрывке,—совершалось постепенно... Уже все от Лены до Андыри реки, впадающей в Ледовитое море, было открыто казакам, и дикие племена, живущие на их берегах или кочующие по тундрам северным, были уже покорены смелыми¹ сподвижниками Ермака». Далее идут незаконченные фразы: «Явились смельчаки, сквозь неимоверные препятствия и опасности, устремившиеся посреди враждебных и диких племен... приводили (их) под высокую царскую руку, налагали на их ясак и бесстрашно селились между ими в своих жалких острожках».

Итак мы видим, какими сторонами камчатских дел интересовался Пушкин. Бесстрашные смельчаки, действовавшие среди неимоверных препятствий и опасностей и доставившие России необъятные пространства Сибири, остановили на себе внимание писателя. Такую жизнь могли вести не расслабленные натуры, а цельные, полные жизнедеятельности. Из такой среды могли выходить Разины и Ермаки..

¹ Здесь и ниже разрядка наша

Для Пушкина, резко противопоставлявшего себя в эту пору так называемому обществу, которое сливалось с понятием аристократии, в открытой им народной стихии открывались те стороны русской жизни, которые увлекали его своей силой и значимостью, а, главное, своею цельностью.

В этом отношении показателен черновик письма к Чаадаеву, относящийся к рассматриваемому периоду. Письмо писалось в октябре 1836 года. Здесь мы читаем: „Ce qu'il falloit dire et ce que vous savez dit—c'est que notre société actuelle est aussi méprisable que stupide.. que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce, qui est devoir, justice, droit, verité; pour tout ce qui n'est pas necessité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme“.

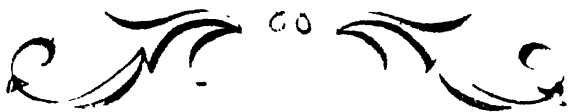
Такое общество в глазах Пушкина вряд ли представляло собою какую-либо историческую ценность и вряд ли было способно на какой-либо подвиг, просто яркое действие.

Проанализированные нами записи Пушкина, относящиеся к 1836—37 гг., характерны именно тем, что поэт в самый тяжкий период своей жизни, незадолго до трагической кончины, находил огромный интерес в знакомстве с теми сторонами русского быта в прошлом, которые были пронизаны духом казачьей вольницы, откуда вышли сильные характеры, могучие натуры, как Ермак, Разин, Пугачев, Атласов и друг.

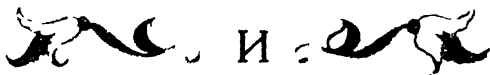
Кто знает. Может быть, ничтожный отрывок, начинающийся словами «Завоевание Сибири совершалось постепенно», был в плане задуманной исторической повести, где Атласову должна была быть отведена роль героя.

Все это, конечно, гадательно, но не лишено некоторого основания, если мы вспомним, что незадолго до этого «Капитанская дочка» родилась из «Истории Пугачева».

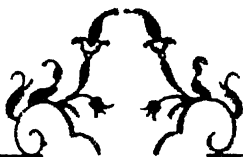

А. С. ПУШКИН

СИБИРЬ

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ